

1. БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Позднее время, ближе к полуночи. В окне электрички проблескивают огни разъездов, полустанков, домов. Перед каждой остановкой при торможении — железный, раздирающий душу визг тормозов. Вагоны старые, грязные, полупустые. Последняя электричка подбирает опоздавших, может, отчаянно убегающих от семейного скандала или просто задержавшихся...

Олег подсел на разъезде с минутной остановкой, оглянулся в проём смыкающихся дверей. Далеко в поле за перелеском знакомо блеснул свет отражателя, освещавшего крыльцо сельского магазина, некогда построенного у почтового тракта. В отдалении, за трактом, в глуби векового леса, на взгорке угадывался монастырский скит. Впервые Олег пришёл к нему полгода назад — голодным, грязным, изнурённым бродяжничеством. После разговора с экономом монастыря подвизался трудничать за еду и небольшую плату, но через два месяца его переманила пожилая вдова-прихожанка, живущая на разъезде близ областного центра. Мантийный монах эконом, видя, что новоявленный трудник мечется между миром и послушанием, благословил Олега на это поприще: “Что ж, иди узнай, какая в миру правда для тебя уготована”.

С того момента, чем бы ни занимался Олег, как бы ни куролесил, проживая у вдовы, — дорога неизменно приводила к храму. Только в нём он всегда чувствовал себя хорошо. Вот и сегодня задержался на литургии, не хотелось обрубать великий чин миропомазания. Отстоял легко, увлечённо, без томления. Ни мельтешение ребятни, ни назидание вездесущих бабушек, ни хлопанье дверей притвора, ничто другое его не отвлекало от молитвы.

“Душой потрудились, не грех и отдохнуть”, — подумалось ему. Электричка, пронзительно свистнув, торопливо набрала скорость и, просекая огнём прожектора свалившуюся темноту ночи, покатила к большому городу. Вагон качивало. Олег прошёл ближе к выходу, привычно расположился на пустой скамье, прильнув головой к запотевшему оконному стеклу.

...Прошло без малого два года, как начал скитаться он по бескрайней Родине, где, кроме Бога, никому оказался не нужным. Таких, как он, государство Ельциных, Горбачёвых, Чубайсов в счёт не брало...

Олег достал из внутреннего кармана ветровки Евангелие, открыл наугад страницу, но читать не стал, отвёл глаза, задумался. Как-то странно получалось: стремился к одному, а выходило совсем другое, и всё дальше и дальше уносили его пути-дороги от родного крыльца.

В окне над полем залучились проклюнувшиеся звёзды и звёздочки. Где-то среди них, мерцаая, поблёскивает и его блуждающая звезда скитальца, только когда и где остановится?.. Узнать не дано. Говорят, у каждого есть своя путеводная звезда, под которой родился.

Снова и снова уносили Олега воспоминания возвратным путём к началу, где были пограничные войска, был долгожданный дембель, были радужные планы на учёбу, на дальнейшую жизнь, которые враз обрушились, как подмытый водоворотом берег, и пристать, оказалось, некуда и не к чему.

.....

— Говоришь, на работу взять? — бритоголовый валяжный господин в кожаной куртке с золотыми заклёпками метнул на просителя колкий оценивающий взгляд. — Ну-ну. А почему в солдатской форме?

— Ещё не прибарахлился, демобилизовался недавно.

— Ну, и кем бы хотел?..

— Желательно водителем. Две категории допуска имею, — подал удостоверение.

Повертев водительские права перед глазами, бритоголовый удовлетворённо хмыкнул и возвратил документ.

— Добро. Завтра к восьми приходи, посмотрим, на что сгодишься.

Олег шёл по городу к дому, в котором на время приютил его друг-сослуживец. На душе было грустно и скверно. Со службы домой возвратился, а идти некуда. Родитель жил с другой женщиной, которая встретила его холодным презрительным взглядом, да так, что дальше прихожей идти расхотелось. Отец, конечно, обрадовался, крепко порывисто обнял, долго не мог унять слезу, но напряжения с души так и не снял. Чувствовалось, что он и сам находится в тенётах непонятных запутанных отношений, сам себе не хозяин.

Олег вышел на свежий воздух. “Эх, мама-мама, и ты сбежала за три девять земель, комфортная жизнь поманила. Но ничего, свою судьбу как-нибудь с Божьей помощью разрешу сам, тем более что после долгих блужданий в поисках работы наконец-то засветилась удача. Спасибо другу, надоумил, куда и к кому обратиться”.

Назавтра, как и было велено, к восьми часам прибыл для испытания. Но первый рабочий день под крышей приютившей конторы, оказалось, стал и последним. Едва эскорт хозяина с охранением отъехал от офиса, как попал под прицельный перекрёстный огонь автоматов. Тело бритоголового босса конвульсивно дёрнулось и, обмякнув, завалилось на плечо Олега, застопорило руль “крузака”. Машина ткнулась в бетонный тротуар и заглохла. Очнулся Олег уже в больнице. Пуля, пробив лобовое стекло, чиркнула по голове выше виска, контузила и выбила из сознания.

Весть о жестокой кровавой бойне разлетелась молниеносно. Город по-мрачнел и притих. Говорили о сферах влияния, о разделе между криминальными группировками государственного имущества, о проклятом окаянном времени, о предательстве Горбачёва, о марионеточном правлении алкаша Ельцина, окружившего себя советниками из Америки и отдавшего великую страну на заклятие. Судачили о надвигающейся разрухе, в которую неуклонно и стремительно погружается держава, вспоминали послевоенную голодовку, а товарища Сталина — добрым словом, дескать, вот кого сегодня не хватает!..

К вечеру Олега разыскал друг-сослуживец. В белом халате, поминутно оглядываясь, он вошёл в палату и срочно, пока не чухнули “братки”, велел собираться.

Вскоре Олега покачивало на боковой полке плацкартного вагона. В голове трещало, гудело, ныло, что вызывало горечь во рту и тошноту. Каждое содрогание экспресса отзывалось стонущей болью, нестерпимо хотелось пить. То и дело возникал перед глазами Байкал. Казалось, припадёшь к нему — и половину, не отрываясь, выпьешь. Почудилось, кто-то тронул за рукав.

— На, солдатик, попей, — женщина, ехавшая в купе напротив, подняла голову Олега и прислонила к пересохшим губам стакан с водой. — Пей! Водичка хорошая, лечебная, “Кука родниковая”.

Олег, поддерживая ладонью, в три глотка осушил стакан, попросил ещё. Женщина намочила холодной водой свёрнутый вдвое платок, приложила ко лбу Олега, промокнула сочившуюся из-под бинта сукровицу.

— Домой едешь?

— Не-е, из дому, — с трудом выдавил Олег.

— Где ж твой дом?

— Теперь не знаю. А где мы едем?

— Иркутск проехали. Пооди, далеко собрался?

— Я не собирался, так получилось. Билет вроде бы до Москвы брали.

— Там тебя ждут?

— Кому я нужен?! Никто нигде меня не ждёт, — скорее сам себе ответил Олег и отвернулся.

От горьких давящих мыслей, от захватившей безысходности жить не хотелось. Всё ложь и прах, думалось ему. Даже красного флага, которому отдавал честь на военной службе, уже не существовало. Олег закрыл глаза. Жизнь представилась ему ненужной, противной до рвоты, да так, что он решил свести с ней счёты немедленно. Да, именно сейчас он выйдет в тамбур, откроет дверь и шагнёт на полном ходу в пустоту... Шатаясь и держась за спальные полки, Олег вышел из вагона, прошёл в тамбур, но открыть наружные двери не получилось, видно, проводник на ключ запер. Мелькнула мысль: проём между вагонами...

Ступил, было, на площадку между вагонами, как кто-то словно насильно схватил за куртку и дёрнул назад, в тамбур.

— Ишь, чего надумал! Бога не боишься? А ну, пойдём со мной!

Олег и пошёл покорно, ведомый за руку попутчицы из купе.

— Как звать-то, защитник? — спросила она.

— Олегом. А вам зачем?

— Как зачем? Помолось, меня-то Полиной Милентьевной зовут...

— А какой смысл?

— Чтобы бесу зацепиться возможности не было, а то чуть в преисподнюю не закрутил. А на тебе крест.

— Батяня окрестил ещё до армии, с тех пор и не снимаю.

В полумраке на фоне окна Олег видел, как женщина перекрестила его: “Спаси и сохрани”. Приблизилась, положила ладонь на лоб, добавила: “А теперь спи!” Прикосновение прохладной ладони притушило боль, и под скрипучую песню зыбки вагона Олег заснул. Проснулся, когда солнечный свет заливал купе. За окном — дымящиеся терриконы, заколосившиеся росяные поля, сирые сибирские деревушки да кудрявые островки березняков. Природа ликовала. Только Олегу было нерадостно, в душу закралось отчаянье и неодолимое чувство грусти. Как будто видит всё это в последний раз.

— Ну, как спалось? — Полина Милентьевна приблизилась к Олегу и предložила осмотреть рану.

— Я тоже еду до Москвы. Точнее, в Загорск, — между делом, размачивая и снимая присохший бинт, поведала она. — Ну что, швы чистенькие, рана не сукровит, до свадьбы заживёт. Небось, подруга сердечная имеется? — тепло, по-родному взглянула на Олега.

— До службы была, теперь нет.

— Что так?

— Не дождалась.

— Бывает. Стало быть, не та подруга, не тебе предназначена. Твоя — которая мимо не пройдёт.

— Я понимаю, только в груди саднит, не отпускает.

— Забудется. Господь всё правильно устроит, ещё спасибо скажешь. А пока принесу чайку, у меня и пирожки домашние имеются с морковью.

За чаем Олег рассказал, что с ним приключилось.

— Да-а-а, времечко, — Полина Милентьевна тяжело вздохнула, перекрестилась. — Ну, ничего, перебудем. Коль жив остался, глядишь, и Господь не оставит. Да и мир не без добрых людей.

В свою очередь поведала про себя. Оказалось, паломница, уже не в первый раз едет к Сергию Радонежскому поклониться святым его мощам. Только сейчас, при полном свете Олег разглядел Полину Милентьевну. Большие карие глаза смотрят умно, тепло и отзывчиво. От них к вискам лучиками разбегаются едва уловимые морщинки — первые вестники увяданья. Однако лицо просветлённое, будто сама душа чистая, милосердная без корысти и суда проявилась в ожидании встречи с потерянным и заблудшим, чтобы объять тихой ненавязчивой жертвенной любовью.

...Спустя годы, подвизаясь в монастыре, он встречал такие лица и понимал, какого молитвенного великопостного послушания и труда стоит подобное очищение. Каждодневно творя молитвенное обращение к Богу, эти люди в жизни своей уже не делали ничего такого, что не пригодилось бы им при последнем часе.

— А не поехать ли тебе со мной к Сергию? Будет, где остановиться, помолиться, справить трапезу, а главное, приобщиться к Божественной красоте русских православных храмов, — Полина Милентьевна вынула из пакета карманного формата книгу в кожаном переплёте и подала Олегу. — Возьми, святое Евангелие. Читай, постигай суть. Только в вере человек чувствует себя всегда хорошо и уверенно.

* * *

В девяностые смутные и кровавые годы от западных границ Украины, Белоруссии до восточных берегов Тихого океана из обомшелых руин Божьим промыслом стала заново подниматься Русь монастырская, православная. Сколько заблудших лихих голов в поисках смысла жизни, спасаясь, порой за кусок хлеба трудились на реставрации старых храмов и строительстве новых, с удивлением и радостью открывая для себя полузабытую святую Русь. Впоследствии многие трудники становились братьями при монастырях, навсегда связывали свою жизнь с молитвой о Господе, в послушании и монашестве полностью подчиняли себя воле Всевышнего, обретая в труде крепость духа и немеркнущий свет Православия.

Столица встретила Олега грубой суетой грязных вокзалов, забытыми нерусью поездками метро, зыбиво светящимися рекламами на латинской прописи, петушиной раскраской одежд фирмы "Адидас". На каждом углу, затравленно зыряка по сторонам, курили в три ряда размалёванные, прело пахнущие девицы. Во всём виделись подлог, обезьянство и поношение всего русского. Это вызывало в душе Олега негодование и протест, желание поскорее избавиться от захватившего чувства обиды за себя и за поруганную державу, чьи границы ещё совсем недавно ему приходилось зорко охранять.

— Господи! Да что ж такое творится?.. Будьте вы прокляты, ироды! —

из подземного перехода донёся женский вопль. Олег сбежал по трапу и увидел поднимающуюся с колен пожилую женщину и двух убегающих парней. Кинулся за ними. В конце перехода они бросили раскрытую сумочку и растворились в толпе. Желаящих задержать не нашлось. Олег поднял сумочку и вернулся к женщине.

— Простите, не догнал...

Женщина растерянно посмотрела на Олега, на подошедшую Полину Милендьевну, порылась в сумочке.

— Слава Богу, ключи на месте, — облегчённо выдохнула. — Наркоманов развелось, так нагло себя ведут. Ведь попадала уже, а, гляди, расслабилась, задумалась. Вы уж извините, пойду я...

— Как?! А заявлять не будете, мы ж — свидетели? — Олег удивлённо взглянул на женщину.

— Не буду. Проку нет, ещё и сама виноватой останешься...

Женщина исчезла в нахлынувшем людском потоке. Олег и Полина Милендьевна прижались к стене. Вскоре встречный поток рассеялся, и они вышли на привокзальную площадь, купили ветровку. При покупке Олег долго сопротивлялся, отказывался примерять. Но Полина Милендьевна, улыбаясь, сказала:

— Примерь и не лишай меня радости сделать тебе подарок.

И снова в окне электрички замелькали шлагбаумы, трубы, перелески, кривые тёмные избы, пустые коровники с провалившимися крышами и взявшиеся дёрном и дурнотравьем, никому не нужные, брошенные поля. Не стало хозяина, и в полые ворота заветрилась безнадёга, неся с собой разор и запустение. Грустно.

От станции Сергиев Посад до Троице-Сергиевой лавры недалеко. Нужно пройти Вознесенским переулком мимо стареньких домиков посада, а после выйти на торную тропу-дорожку, что ведёт через сырую низину, через деревянный мостик с резными перилами, мимо часовенки над святым Пятницким колодцем к стенам обители. По этой тропе уже шесть веков с лишком идут бесчисленные страждущие и обременённые невзгодами паломники. Тропа миновала шоссе, затем поднялась на холм, обрамлённый крепостной монастырской стеной, за которой схоронилась древнерусская православная обитель, жарко и ослепительно отливавшая золотом куполов. Гулко, тяжело вздрогнул, словно проснувшись, колокол. Раскалывая воздух и набирая силу, полилась его благая весть далеко за пределы святой лавры, возвещая о начале воскресной службы во славу Господа нашего Иисуса Христа. Полина Милендьевна преобразилась в лице, стала сосредоточенней, строже, троекратно с поклоном в сторону звона перекрестилась, промолвила: "Слава Богу". Она попросила Олега сделать то же самое, напомнила: "В святую обитель входим, духовное сердце России". Олег поставил сумку к ноге и немело, как бы стесняясь, торопливо перекрестился.

— Что же ты, миленький, беса радуешь.

— Как это?

— Крест перевернул, основание получилось короче верхней заглавной части, — показала, как правильно накладывается крестное знамение.

К Троицкому собору, где мощи Сергия, выстроилась длинная очередь паломников. К раке с мощами Преподобного продвигались более двух часов. В притворе храма на столах горками лежали восковые свечи. Прихожане вписывали в требы имена родных и близких, чтобы священники в алтаре о них помоллись, брали свечи, жертву в виде денег опускали тут же в урну, сколько не жалко, а если пожертвовать было нечем, то подавали записки и брали свечи просто так.

— А мне кого вписывать? — вполголоса спросил Олег.

Полина Милендьевна оторвала взгляд от своей записки и взглянула удивлённо.

— В первую очередь, отца и мать. Надеюсь, они крещёные?

— Да, но мама оставила нас.

— Это её ответ перед Господом, а твоё дело молиться за родителей.

— А друга вписать можно?

— Нужно и друга, и недруга. Как сказано в Евангелии: “Любите врагов своих”. На кого держишь злобу и ненавидишь, за тех и помолись с усердием.

Подойдя к Преподобному, Олег ощутил душевный трепет и немощь, упал на колени, упёрся лбом в борт раки и шёпотом, как учила Полина Милендьевна, слёзно попросил святого о верном и праведном пути. Не помня себя, поднялся с колен, прильнул губами к стеклу, за которым покоились мощи. Стоящий у раки монах после каждого паломника салфеткой вытирал стекло. Поодаль иеромонах с двумя послушниками в чёрном облачении непрерывно читали акафист, прославляли игумена всея Руси — святого отца Сергия. Со стен кротко и смиренно взирали на прихожан Христовы мученики. К иконному образу великого печальника Полина Милендьевна и Олег подошли с поклоном, поставили зажжённые свечи. Помолились.

Перед трапезой, состоявшей из бескорыстного угощения, на которое стекались паломники, испили натоцак святой воды из Сергиева родника. Полина Милендьевна рассказала Олегу, что родник освящён самим Преподобным, в нём — великая очистительная сила. Также поведала, что перед Первой мировой войной он внезапно иссяк, померк свет Православия. Россия погрузилась во мрак безбожия, по ней прокатилась гражданская война, повлекшая за собой голод и мор. Но перед празднованием тысячелетия принятия Русью христианства Сергиев родник заговорил вновь. Свет Православия вырвался из бесовских теней и заиграл перламутром в чистой родниковой струе, а вместе с ним, вопреки заморским злопахателям, стала подниматься с колен и Святая Русь.

— Не на ветер сказано, что покров Богородицы не оставит земли нашей русской, а уж Сергия-то Пречистая навещала не единожды. А теперь и мы с тобой Божьим Промыслом очутились здесь...

...Да-а, кого бы сейчас он желал увидеть, так это Полину Милендьевну. Сколько раз во сне представлялась она ему, пристально и нежно глядящая в лицо, как бы вопрошающая: “Ну, как?..” — и, не дождавшись ответа, исчезала. А он оставался стоять на столбовой дороге, полной невзгод и препятствий. Много позже Олег понял, что такие люди даются для спасения свыше. Они являются в нужном месте и в нужный час, а когда их спасительная миссия исполнена, исчезают, растворяясь в крошечной людской сутолоке, оставляя по себе лишь светлую молитвенную память...

* * *

На стрелке перед разъездом, в очередной раз проскрежежетав тормозными колодками, электричка остановилась. Железный скрежет и толчки вывели Олега из воспоминаний. Он перевёл глаза на открытую страницу и начал читать. На этот раз оказалось Евангелие от Луки: “Отнимающему у тебя верхнюю одежду отдай и рубашку...” На этом месте чтение прервалось: в вагон шумно ввалилась группа изрядно подвыпивших молодых парней. Олег непроизвольно оглянулся и с раздражением подумал, что этих только и не хватало. Парни с лёту грубо и пошло стали приставать к трём девицам, сидящим у входа. Олег отвернулся, положил в карман святое Евангелие, закрыл глаза и стал читать про себя молитвы. История знакомая, добром не закончится, рано или поздно ему придётся вмешаться, поскольку отстраниться совет не позволит.

В это время над ухом клацнул сталью откидной жиганский нож.

— Лепешок чудный, распрягайся! — перед ним стоял парень с ножом в руке и злыми бесцветными глазами.

— Не понял? — Олег почувствовал, как по всему телу покатилась дрожь.

— Ветровку скидывай, хозяин пришёл, чего непонятного?! — густо обдавая прокуренным тошнотворным перегаром, прохрипел отморозок, поигрывая ножом, словно пёрышком.

Олег, едва сдерживая волнение, произнёс:

— Ну, не здесь же, люди смотрят...

Они вышли в глухой тёмный тамбур. Гопстопник на вид был мощнее и выше Олега. Одной рукой схватился за край ветровки, другой, поторанивая, поигрывал ножичком.

— Шевелись, пацан, дяденька ждать не любит.

Олег потянул молнию книзу, и как только рука коснулась запястья от морозка, молниеносно зажал его, резко, как учили в погранцах, крутнулся вполоборота — и локтём вынес челюсть уркагану. К этому времени электричка остановилась, несостоявшийся хозяин ветровки с ножом в руке вылетел в дверной проём электрички и шмякнулся о перрон полустанка. Олег быстро перешёл в следующий вагон, потом в другой, третий... Не доехав до места, сошёл и пошёл пешком, надеясь унять нервный озноб, который лихорадил и сотрясал всё нутро и тело.

Спустя недели три на полустанке к нему подседа четвёрка парней. Олег каким-то особым чутьём узнал в них тех самых, дружков бандита. Заканчивался Успенский пост. Лицо Олега обросло русой окладистой бородкой, глаза небесной сини смотрели тепло и спокойно. Во всём облике проглядывалась невозмутимая сила добра и духа — результат ревностного поста.

— Никак, в храм едешь, богомолец? — спросил один из парней, сидевший напротив.

— Как догадался?

— По виду, ты на монастырского смахиваешь... — и вдруг тяжело, сурово взглянул на Олега: — Слушай, помолись там за упокой раба Божьего Ивана. Он хоть и негодий был по жизни, как и все мы, но всё же человек верный.

— Что ж, если крещёный, помолюсь.

— Да мы здесь все сызмальства крещёные.

— А что с ним случилось? Наверное, не старше вас?

— С электрички вышал: подтатый был, вышел в тамбур покурить, облокотился на дверь, а та возьми и раскройся на остановке. Он и приложился башкой о платформу... Вот сегодня схоронили, умер, не приходя в сознание.

Олега точно прошило, дёрнулся, будто в самое сердце иглу вонзили. Однако, совладав с собою, спросил:

— А самим что ж, свечку поставить да помолиться нельзя?

— Да как-то непривычно. Да и не знаем, как надо, что-нибудь не так сделаем. Тебе сподручнее будет.

— Хорошо, я от вашего имени. Только всё же не забудьте заказать молебен и панихиду по новопреставленному Ивану.

На следующий день Олег вышел на полустанке, где подсели парни. Среди свежих могил на ближайшем кладбище по фотографии отыскал вечное пристанище Ивана, зажгёт поминальную свечу, сокрушённо всем сердцем помолится. Вечером того же дня по монастырскому уставу, перекрестившись, подошёл к порогу кельи отца эконома, громко произнёс: “Молитвами святых Отец наших, Господи, Иисусе Христе, помилуй нас!”

— Аминь! — послышалось в ответ за дверью.

Переступив порог, Олег подлюмил перед монахом колени, опустил голову.

— Что привело? Говори! — отец эконом поднял за плечи Олега и пристально посмотрел в глаза.

— Благослови, Отец, на жизнь в монастыре, возьми к себе в экономию.

— Чего это вдруг?

— Не хочу покидать стены монастыря. В миру увидишь не то, что надо, услышишь не то, что надо, сделаешь не так, как надо.

— Однако ты главного не сказал.

— Я, защищаясь, человека убил. Правда, он умер не сразу, но я узнал его по фотографии.

— О! — протянул отец эконом, покачал головой. — А Господа не мог о защите попросить? Ведь против Его имени бесовская нечисть бессильна. Молчишь... Ладно, иди к отцу Петру, исповедуйся. Добро даст, возьму.

Эту историю поведал мне рясофорный монах Авксентий, случайно оказавшийся земляком. В нашем селе он многих знал поимённо, живо интересовался их жизнью, но на мой вопрос: “Хотел ли бы он побывать на родине?” — ответил:

— Я поговорил с вами и уже побывал, помолось за всех. Я монах, а монах должен жить в монастыре, исполнять послушание.

Лицо Авксентия было просветлённым, взгляд — чистым, голос — мягким и приветливым. На прощание сказал:

— Поклонись от меня родным берегам!.. Ангела в дорогу.

2. БЛАГОДАТНЫЕ ЗЁРНА

Что за дурацкая нездоровая романтика кружила нам головы и чернила неокрепшие души? Мы — поселковые ребята — не хотели быть просто парнями и девушками, мы называли себя чуваками и чувихами. По вечерам, сбившись в кодлу, направлялись к месту отдыха приехавших горожан. Там каждые две недели для нового заезда зажигали костёр и под баян устраивали игры и танцы. Мы шли по грунтовке через лес и, распевая, орали во все молодые глотки, правда, уже успевшие познать туманный гнёт никотина и алкоголя.

*Ты прости меня, пацаночка,
Уберечь родимую не смог.
По твоим по косам шелковистым
Бил чекиста кованный сапог...*

или

*А меня, быть может, под конвоем
Далеко на север уведут...*

Казалось, ах, как это здорово: идти под конвоем на север в зековской, без воротника, телогрейке. Впрочем, большую часть наших чуваков действительно увели под конвоем расширять и крепить ударные комсомольские стройки страны, чтоб навсегда отбить охоту к ссорам, браням, дракам, к безудержным повальным пьянкам. В ту пору две режимные зоны в нашем краю осуществляли строительство печально известного комбината и города на берегу Байкала. Какую культуру отношений, точнее, бескультурья усваивали юноши в шестидесятые, покрытые блатной плесенью годы? Как позже выразился об этом времени поэт:

*Прямые отравленные всходы,
Какие вы взрастили семена?..*

Странное наполнение имеют слова с приставкой или предлогом “бес-”, “без-”. Как правило, они означают пустоту и трагическое разрушение. “Бессовестный, безобразный, безобразный, бессердечный, бессемейный, бездетный, безбашенный, беспредел” и так далее, в любом случае, в них присутствует бес, тот самый, рогатый. И мы, чуваки беспечные, не думая о последствиях, блуждали, ведомые им, ходили на турбазу затеять очередную ссору, похулиганить, подраться...

Было время цветения черёмухи. Берега горной реки Утулик, где располагилась база отдыха, буквально кипели в белопенном цвету. Лёгкий бриз доносил из распадков аромат волчьего лыка, который смешивался с пряными запахами луговых трав, свиного багульника, ольхи и тополей чозении, и вся эта обволакивающая смесь природных ароматов пьянила и дурманила лихие головы, будоражила романтическую память уже вошедших в могучие лета людей. А мы, одержимые вышеупомянутой нездоровой романтикой, шли и орали:

*А на Байкале музыка играет,
А что там делают? А там барают тех,
Кого поймают...*

Ах, как это необычно, как заразительно грубо, мерзко и пошло! Только это уже оценится потом, спустя много лет. А пока, геройски перевернув по пути две урны с мусором, развязно и шумно выкатились к открытой танцплощадке. Она, как и берега реки, утопала в черёмуховом цвету. Играл баян, кружили пары, и черёмуха при каждом колыхании ветерка осыпалась на них нетающим снегом, украшала причёски, костюмы и платяя, кропила площадку. Наконец, баянист сдвинул мехи, разошлись танцующие пары, и культмассовик объявил следующий номер. На середину площадки вышел светло-русый парень нашего допризывного возраста, просто и опрятно одетый в белую рубаху и чёрные брюки. Вихрастый чубчик слегка дрогнул на лбу и повис над бровями. Баянист проиграл вступление, и парень запел чистую, без микрофона, свободно полился ручьистым тенором, выказывая удивительно мягкий тембр:

*Я встретил Вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...*

Один из чуваков хотел было освистать его, уже заложил пальцы в рот, но рядом стоящий одёрнул его. И песня продолжала проникновенно звучать и разливаться, завораживая красотой звуков присутствующих и всю округу. Казалось, даже река и деревья, заглядевшиеся в её зеркало, замерли, слушая романс.

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас...*

Должно быть, я раскрыл рот и, ничего не помня, внимал исполнителю романса. Звуковые божественные струи обволакивали и захватывали душу настолько, что я забыл про себя, кто я и зачем? Наверное, то же самое испытывало большинство из моих сотоварищей. Конечно, повторить ничего невозможно, но тот, самый прекраснейший из вечеров в моей жизни и по сей день живёт во мне. По сути, с него началось для меня осознание понятия моя милая Родина, малая и большая. Каждый год, когда цветёт черёмуха, воспоминания обостряются с новой силой. А тогда по окончании романса я побрёл к реке, вытащил из рукава запрятаный на случай драки разводной гаечный ключ и закинул подальше в омут. Вечер прошёл тихо и спокойно. Домой мы возвращались молча.

Много позже, во время службы на флоте я узнал, что романс был написан на стихи великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева, поэта из девятнадцатого века. Спасибо Фёдору Ивановичу за то, что встал на моём неверном пути указующим вектором. Всё наносное, блатное, пошлое отпало ненужным охвостом, как мусор и гнус при отвеивании благодатных зёрен.

3. ДЯДЯ КЕША

Весёлым человеком был дядя Кеша. Худощав, высок, кепка блинчиком на правую бровь свисала, воротник пальто ухарски приподнят, сапоги джиммы гармошкой, верхняя губа с намёком на заячью при улыбке открывала крепкие кривые резцы, при встрече неизменно поднимал правую руку горстью и с расстояния мягким, торжественно внушительным голосом приветствовал:

— Василий! О чём задумался?

— Да думаю, дядя Кеша, как дальше жить.

— Нашёл о чём печалиться, колея покажет. Главное, не сворачивай, иди прямо и только прямо, как бычья морковка.

Любил дядя Кеша выражаться афористично. Однажды при встрече в селпо, где зачастую и происходили нечаянные свидания селян, я спросил его обыденно и банально, как спрашивает большинство русских людей: “Как жизнь?”

— Года идут, а счастье не приходит, — был ответ, и рука артистически взлетела горстью вверх. В другой раз там же, у сельмага, когда дядя Кеша вышел с чекушкой в кармане, его ответ был более многозначительным: “А кто нам запретит роскошно жить!” — и улыбка обнажила кривые резцы. Каза-лось, будь они у него прямыми, он был бы менее красив и притягателен.

Каждое поколение несёт в себе отличительные черты, свойственные только ему. Рождённые в 27–30 годах прошлого столетия, прошедшие через трудное детство, полуголодную юность, через суровые надрывные годы вой-ны, в большинстве познавшие безотцовщину, нездоровую романтику лагерей, эти люди были удивительно жизнеспособны, добры и приветливы. В них жи-ло неистребимое стремление к созидательной жизни, напрочь отсутствовало чувство затаённой корысти, зависти и долговременного зла. Дядя Кеша был одним из таких людей, с ним было легко и просто общаться.

Как-то сентябрьским вечером в дождевике с поднятым воротом он изда-ли окликнул меня: “Василий, я сонет сочинил!” К тому времени я уже печатал свои стихи в местной газетёнке и был на виду у селян. Поздоровав-шись, попросил его прочесть. Дядя Кеша, как обычно, воздел перед собой руку и начал декламировать: “О, дью, о море!..” Я прервал его и спросил, что означает “О, дью”?

— Ну, это обращение такое, не перебивай! — ответил он и начал заново:

*О, дью, о море! Ты снимаешь
С побережья синие штаны
И с шумом гальку оголяешь
На пузе бешеной волны!*

— Ну, как? — и победно сверху вперил в меня глаза.

— Что-то я не особо вник, прочти-ка ещё, — и, чтоб не казалось обид-ным, добавил: — Пожалуйста.

Дядя Кеша не без удовольствия повторил. Внимательно прослушав, я спросил:

— А почему сонет?

— Да ты что? К морю надо обращаться только высоким штилем!

— А вообще, знаешь, здорово! И всё видится и шумит, и живёт, и пред-ставляется, а главное, вся твоя мальчишеская тоска по морю вот в этом “О, дью!” выражена. Как ты подойдёшь и наконец-то скажешь: “О, дью!.. О, море!..” Здорово! Вот только на “пузе волны” не совсем ясно...

— Да ты что?! Волна встаёт на дыбы, заворачивает гребень, а под греб-нем пузо, при откате этим пузом гальку перекатывает и оголяет. Чего тут непонятного?

— Теперь чётко вижу. Знаешь, дядя Кеша, это настоящая поэзия. Я бы так не смог. Поздравляю! Помнишь, ты мне как-то ответил: “Года идут, а сча-стье не приходит”? Так вот, я тогда подумал и тоже сочинил, послушаешь?

— Давай!

*Года идут, и незаметно вроде,
И также незаметно дам я течь.
Года идут, а счастье не приходит...
А вдруг придёт?.. Сумею ли сберечь?*

— Ишь, как вывернул, однако прав, ничего мы беречь не умеем: ни природу, ни добрых отношений, а уж про счастье и говорить нечего, его и в руки-то не возьмёшь.

Любил дядя Кеша и розыгрыш устроить. Однажды супруга меня обыскала, а зная мои приятельские отношения с дядей Кешей, пришла спросить, не знает ли он, где я нахожусь. Дядя Кеша, ничуть не колеблясь, убедительно ответил: “Минут двадцать, как прошёл с какой-то дамой к реке. В руке нёс полную сетку с вином и закуской”. Супруга моя опрометью в розыск, добежала до плёса, где я рыбачил, и с кулаками к лицу, еле успокоил. А когда разобрались, нахохотались вдоволь. После я спросил дядю Кешу, зачем он так сделал? “А чтоб разным сплетням впредь не верила”.

Был у дяди Кешы друг Леонид по прозвищу Закваска, редкий день обходился у него без выпивки. Но сварщик был отменный, за что его и ценили, и глаза закрывали на его постоянную нетрезвость. В брезентовой непрожитаемой робе, в защитных очках с выпуклыми цилиндрами стёкол, которые, словно пеньки от срезанных пантов, постоянно торчали над бровями, он походил на жука, вечно копошащегося среди обрезков железа. Дядя Кеша его называл “Артист Шмага”, и Леонид Закваска на друга не обижался, а задавал оборотный вопрос: “А ты кто тогда будешь? — Я-то? Тиль Уленшпигель шпагоглотатель, комик в жизни, злодей на сцене!” — заученно проговаривал дядя Кеша и обнажал резцы. Однажды во время обеденного перерыва, когда все поели и выжидали время, зашёл разговор о службе в армии. Многие знали, что дядю Кешу сия повинность каким-то образом обошла, тем не менее, ради хохмы спросили: “А вы где служили?” Дядя Кеша, ничуть не колеблясь, ответил: “В лёгкой кавалерии генерала Доватора на кобыле Белогривка”.

— Да ты же уздечку задом наперёд одеваешь. Тебя ж списали, — подкусил Закваска.

— Списали, но не за это.

— А за что?

— Позволил вопреки начальству жеребцу Девальварсу из соседнего эскадрона жениться на Белогривке.

— И что дальше?

— Генерал Доватор за самовольную селекцию приказал пересадить на мерина с последующим переводом в пехоту, но не успел, война закончилась.

Что и говорить, весёлые были у нас обеды, когда столом правил дядя Кеша. Вскоре я перешёл работать в другой цех, и мы стали видеться реже. Как-то под осень встретились в автобусе. Дядя Кеша полуоборотом сидел у окна, весело разговаривал с Леонидом Закваской, ненароком привлекая внимание ехавших селян. Увидев меня, вошедшего на промежуточной остановке, с каким-то особым восхищением громко на весь салон обратился: “Василий, привет! Чего в гости не заходишь?”

— Не по пути живёшь, дядя Кеша. Я — на восточной стороне, ты — на западной, — так же громко ответил я.

— А ты зайди, я тебе расскажу, как жил с цыганами и как ушёл от них и почему, — обнажил крепкие резцы.

— Про цыган, должно быть, интересно.

— Ещё бы, народ своеобразный, живёт без прививок от оспы в подлунном мире, весело и шумно.

— Хорошо, завтра обязательно зайду.

— Только не забудь напиток прихватить, знаешь, такой: на этикетке нарисован бык с рогами, а то разговор на сухую в связках застрянет.

— Дядя Кеша, похоже, вы и сегодня в ударе нежных чувств.

— А как же! Бог весёлых любит! — и, подняв голову, метнул какой-то странный, непривычно светящийся взгляд, переполненный зажигательного озорства.

Назавтра встретиться не пришлось. С работы автобусом приехал только “Шмага”. Был на удивление трезв. Я спросил, куда подевал “Шпагоглотателя”. Вместо ответа Леонид Закваска попросил взаймы денег на выпивку. Я поинтересовался, к чему такая спешка, наверняка дома ждёт ужин и сто граммов. Леонид посмотрел на меня помутневшим взглядом и спокойно обыденно проговорил: “Кеша умер. Сердце. Никогда не жаловался”.

С того дня много времени источилось, но когда случается проходить мимо дома, где жил дядя Кеша, невольно с привычной грустью подумаешь: вот жил человек, каким-то образом влиял на тебя, на твою жизнь, разыгрывал, как всякий житель деревни, театр одного актёра и в этом образе был ярок, интересен и необходим. И вдруг его не стало, прошёл, приветливо махнув рукою, оставив нам, временно живущим после него, торжественный и печальный миг вечного прощанья. Чтобы помнили друг о друге.

4. БУРУНДУК

Николаю Александровичу Смородникову было 76 лет. Выглядел он довольно бодро. В коренастом суховатом теле проглядывалась размеренная крепость и осторожная, но твёрдая поступь, присущая человеку таёжному, наблюдательному. Познакомились мы в тайге по дороге к выселкам. Наша машина спускалась с Дабана, по водительской неопытности, села мостом на карчу. Ни взад, ни вперёд. Место было болотистое, поросшее молодым чахлым березняком. Поросль для рычага не годилась: гнулась, ломалась. Тут-то и объявился, как из-под земли, Николай Александрович. Одет он был по-таёжному: в суконный костюм и резиновые мокры туфли.

— Что, сидим? — спросил, как бы для порядка. — Вон, ребята, возле влобка сушинка стоит, она подойдёт.

Листвяжную сушинку мы видели, но даже не подумали воспользоваться, уж больно трухлявой казалась.

— Это с виду, — заметив наше замешательство, продолжил Николай Александрович, — зато сердцевина каменная.

Мы переглянулись, но возражать не стали, пошли за стягом. Николай Александрович оказался прав. Листвяжок в самом деле был упругим и прочным. Кузов одним нажимом сняли с карчи и поехали дальше. Николай Александрович с нами. Пока ехали, я узнал, что он — профессиональный охотник и у него на руках имеется договор на заготовку кедрового ореха. В данный момент Николай Александрович осматривал свою деляну, оценивал урожай. Я стал напрашиваться к нему в товарищи, давно мечтал пошишковать, да и денюжат подзаработать. Николай Александрович посмотрел на меня наметанным взглядом и дал добро.

В семидесятые годы прошлого столетия было не просто получить разрешение на заготовку кедрового ореха. Промышленные урочища в отрогах Хамар-Дабана находились под контролем промхоза и лесничества. По договору артель была обязана сдать орех на базу. Для каждой артели отводился участок, обозначенный границей, так что любой случайный человек попадал под пристальное внимание и был вне закона. Диким шишкарём вне закона я быть не хотел, потому и напросился к Николаю Александровичу в товарищи.

Через неделю мы зашли на деляну. Затаборились. Срубили сайбот для складирования шишки и занялись заготовкой. Я ходил под колотом, а Николай Александрович с третьим товарищем собирали шишку. Для первой обработки условились наколотить сорок крапивных мешков. Погода баловала, шишка была намолотной, вызревшей, так что двух-трёх ударов было достаточно, чтобы кедр отдал весь урожай, который шумно осыпался под крону. Товарищи споро подбирали паданку, а я уже протрясал следующий кедр. Ударись, и сразу под колот, чтобы шишка по голове не саданула, затем переходишь к другому, рядом стоящему. Однажды замешкался, и шишка, падая с двадцатиметровой высоты, зарядила по темени, подпрыгнув, отлетела в кусты. Благо — кепка спасла, а то бы двух пудов колот из рук выпустил. Николай Александрович, как будто ждал этого момента, угрюмо пошутил: “Хорошо мозгов нет, а то бы страе”. Невольно подумалось: у меня мина наперекос, а ему смешки, но тут же, в такт третьему товарищу через боль ухмыльнулся и я. Потерев ушибленное место, перешёл к другому дереву, примерил колот по высоте удара и со всей силы приложился. Сотрясение кедра внезапно породило отчаянный свист бурундука. Смертельно испуганный зверёк, опасаясь за свою жизнь, заметался по веткам. Я отступил. Вскоре

бурундук, убедившись, что угрозы нет, спустился и молниеносно юркнул под корни. Стало понятно: здесь у зверька гайно с кладовой.

Кто не знает этого шустрого таёжного зверька с тёмными продольными от мордочки до хвостика полосками! Бурундук — зверёк оседлый. Облюбует развесистый, с густой хвоей кедр, поселится в корнях, тут же и кладовую устроит. Заготовит ядрёного ореха от своего могучего кормильца, чтоб зёрнышко к зёрнышку — и зима не страшна, знай, свернись калачиком да посапывай в тёплой норужке до первых апрельских опечков. Обычно одного кедр для прокорма зверьку хватает с лихвой. Хорошо, если год урожайный, а случись голодный или кедровка шишку спустит, тогда беда, много по тайге в поисках кормового припаса не нарыскаешь. Зверёк хоть и ловок, да быстро устаёт. Спирально взбежит по стволу, проверит плодосные ветки, сбросит две-три шишки на мох под кедром и скорее, так же по спирали, вниз — вышудушивать зёрна. Набьёт отборным орехом щёки — и в кладовую, на хранение. Из четырёх-пяти шишек выходит стакан. А их надо заготовить не менее семидесяти. Вот и приходится бедняге всю осень до снега трудиться. А тут ещё и дожди мглистую занавесь опустят, потому в ненастье зверёк пронзительно свистит и утробно взбулькивает, будто ругается и плачет.

Бурундук никому не враг, живёт только своим трудом. Зато у него, кроме дождя, врагов хоть отбавляй. Поживиться плодами чужого труда, будь здоров, всегда найдутся охотники. Из них самый жестокий — медведь, бродит по тайге и вынюхивает, где орехами да бурундуком пахнет. Учуёт, разроет когтистой лапшей кладовую зверька и, пофыркивая, зажуёт припас вместе с хозяином. Также не прочь полакомиться зверьком и его запасом соболь, колонок, горностаёв, а то и круглолицая с загнутым клювом неясьтъ: зазеваешься, с лёту схватит и унесёт в подарок своей подружке, только шерстка клочками по веткам разлетится. Даже мыши — рыжеватые куцехвостые полёвки — и те норовят в отсутствие хозяина пробраться в кладовую и украсть орешки. Трудная жизнь у бурундука: как ни осторожничай, а опасность всегда возле.

Помните, выдался неблагоприятный год. В верховьях прошли пожары, и с погорелых мест бурундуки в большом количестве стали мигрировать в другие тайги. Миграция краем прошла через деревенские усадьбы, дачи, вышла к реке и, не останавливаясь, зверьки стали переправляться на другой берег. У бурундука хвост длинный и ворсистый, чтобы не намочить, держит трубой. Смотришь, то там, то здесь плывут маленькие кораблики, только трубы торчат, не дай Бог, ленок схватит или течением в шиверу снесёт, тогда гибель. Намокшие хвосты потянут ко дну. Не многим мигрантам удалось переправиться на другой берег. Старые охотники говорили: “Хозяин одной тайги проиграл в карты хозяину другой тайги”.

Мы, мальчишки, ради забавы ловили полосатых проказников на капустной грядке, привязывали к шее поводок из дратвы и таскали за собой. Поначалу бурундук упирался, старался выкрутиться, дёргался, подпрыгивал, верещал, но вскоре смирился и становился покорным. Пойманные зверьки быстро привыкали, становились доверчивыми. Мы, конечно, их подкармливали. Помню, Пугин Миша, ровесник мой, приручил бурундучка настолько, что тот забирался к нему на плечо, по-хозяйски устраивался и грыз хлебную корочку. Он с ним даже в клуб кино смотреть ходил. Но одомашнивание бурундука, как ни старайся, приводит к печальному исходу: то собака задавит, то кошка скараулит.

Незабываемо хороши после трудового дня таёжные вечера на Дабане. Медленно сгущаются сумерки, с западной стороны на небосклоне появляется яркая, отливающая стальным холодным блеском звезда. Какое-то время она неотразимо захватывающей красотой царствует в небесной сфере, но сумерки уплотняются, и одна за другой из небесной пучины проклёвываются новые звёзды и звёздочки, далёкие и близкие, и вскоре становой хребет Хамар-Дабана исчезает в ночной непроглядной саже. Остаётся только небо, густо усеянное мерцающими огоньками звёзд, да костерок, вокруг которого собираны артельные товарищи.

К нашему костру со своими дровами подошли соседи, для порядка спросили:

— Можно присоединиться?

— Присоединяйтесь, места не жалко, — Николай Александрович был доволен почином (семь крапивников взяли) и, судя по интонации, пребывал в хорошем настроении, обыденно спросил:

— Ну, как успехи?

— Да так, жить можно.

— Что и говорить, урожай — грех обижаться.

О чём только не говорят артельщики, собравшись у костра, какие только темы не обсуждают! И про мировую закулису услышишь, и про современную Хазарию. Говорят обо всём, кроме женщин. Но о чём бы ни судачили, всё равно разговор повернут к ремеслу, к тайге и её обитателям.

— Мы вчера, — заговорил один из подошедших, — нашелушили ведро ореха, хотели сегодня покалить, да калёного у костра вечером пощёлкать, а закрыть на ночь забыли. Утром глянули — ведро пустое, бурундук перетаскал, не более двух горстей осталось и те — охвостье без зёрен.

— Ничего удивительного, бурундук пустой орех не понесёт, если есть чем поживиться с малой затратой сил, фарт не упустит. Представь: или на дерево ему залезать, или из ведра брать, — Николай Александрович обозначил своё суровое резюме и с ухмылкой взглянул на соседа, дескать, “варежку” не разевай. Тут же поведал о случае из своей таёжной жизни, даже не поведал, скорее, хвастанул.

— Как-то подошёл к бортяжному кедру, а сверху шишка упала на редкость убористая, с крупным орехом. Я поднял, положил в карман. Смотрю, вторая падает, да такая бравая, лучше первой, прибрал и её, падает третья, думаю: кто же гостинец посылает? Стою, жду — может ещё упадёт. Смотрю, бурундук спускается и в черничник к тому месту, куда шишки падали. Покрутился, порыскал — нет шишек, я стою — не шевелюсь, наблюдаю. Бурундук ещё малёхо покрутился, потом столбиком встал, уставился на меня. Я замер. Интересно, что дальше будет? Бурундук подбежал ближе, примерно с полметра от меня остановился, потянул мордочку кверху, как-то по-своему угрожающе заворковал и в какую пору на груди моей оказался, и — в лицо, я еле отмахнулся. А он опять заскочил на грудь, на плечо, на голову, по спине брызнет, машу руками, еле отбиваюсь, а он соскочит и опять в драку бросается. Главное, свистит и хвост трубой. Вот учудил, так учудил!

На этом Николай Александрович затих, молчали и мы, потом у меня как-то само собой вырвалось:

— Так вы шишки-то ему отдали?

В ответ Николай Александрович усмехнулся и бравадно так рукой отмахнул.

— Обойдётся, он себе ещё достанет.

Кто-то из соседей:

— Как же так, обидели маленького зверька, хоть бы одну шишку отдали, трудились ведь.

Более никто слова не проронил. Костёр догорал и вскоре совсем зачах. Повеяло ночным холодом, и все разошлись готовиться к ночлегу.

Не спалось, навязчиво думалось про бурундука, который самоотверженно отстаивал свой труд и защищал жизненное пространство. То, что бурундуки между собой дерутся, сам видел, но чтоб с человеком... Бывалые таёжники рассказывали: разорить кладовую зверька, значит, обречь его на погибель. Бурундук от безысходности ищет на дереве рогатку, просовывает голову и зависает. Вспомнилось, как сам обрёк на гибель пищуху, прозванную сеноставкой. В азарте, выкуривая соболя из-под корней муготного кедра, спалил грядку высушенного черничника, заготовленного пищухой на зиму. Наверняка зиму она не пережила. Неуютно было на душе, мучительно. Уснул только под утро. Разбудил голос Николая Александровича: “Васюха, вставай, проспали!”

Через пару дней по таёжной традиции снова собрались у костра. Подошли соседи узнать, как дела, и просто пообщаться. Как обычно, разговор

сначала завёл в дебри за политику: один говорил, что жизнь пошла не по Ленину, пошла по Сталину. Другой же почитал Сталина, как отца родного, доказывал, не будь его, войну бы проиграли и были бы сейчас у фашистов рабами, поскольку Гитлер каждому немцу обещал по десять русских рабов. Досталось и Никите Хрущёву — сталинскому шуту за его недалёковидную политику, и Леониду Брежневу, прозванному в народе “Бровеносец в потёмках”, и о том, что никто понять не может, что живёт при его правлении в пору развитого социализма. Однако посотрясали воздух, посотрясали, выпустили в небеса накопившийся пар негодования и перешли на бурундуков. Один из соседей спросил:

— Кто скажет, как отвадить бурундуков от сайбота, как ни подойду с ношей — пара-тройка крутится?

— Никак! — резанул Николай Александрович. — Плашками всех не переловишь, да и время потеряешь. Много не растащат, кедровка больше снимает. Да и мы не обеднеем, а им прокорм где взять? Почитай половину гривы обколотили, — Николай Александрович неожиданно для всех вновь стал повторять рассказ про драку с бурундуком. И повторял слово в слово, а когда закончил, я, как и в прошлый раз, возьми да ляпни:

— Так вы ему шишки-то отдали?

— Конечно, отдал, что я, изверг какой, что ли! Зверька обижать!.. — Николай Александрович так убедительно это изрёк, что никто не осмелился ему возразить.

Вскоре костёр зачах, потянуло холодом, и мы разошлись готовиться к ночлегу.